

Савич, Виктор, Западносербский вставной лист в Мокропольском тетраевангелии, *Славянский альманах 2013*, Москва 2014: 439–453.

В. Савич
(Белград)

Западносербский вставной лист в Мокропольском тетраевангелии

Статья посвящена вставному пергаменному листу в Мокропольском евангелии – важном памятнике церковнославянского языка сербского извода середины XIII в. Этот вставной лист содержит языковые особенности «западной» («боснийской») группы рукописей. Автор пришел к выводу, что он написан в конце XIV в. в области «восточнобоснийского диалекта».

Ключевые слова: *Мокропольское евангелие, сербскославянская рукописная традиция, «западная» («боснийская») группа сербскославянских рукописей, Новый литургический тетр.*

Мокропольское четвероевангелие было найдено в 1954 г. в церкви Св. Луки в нас. п. Мокро-Поле (неподалеку от города Книн). Благодаря усилиям Академии наук Сербии была произведена его консервация в Белграде в 1955 г., а затем евангелие перевезли в монастырь Крка, сербский духовный центр в северной Далмации, где оно было включено в собрание рукописей (номер 2).

Рукопись выполнена на пергамене, который за время использования был поврежден во многих местах. Сохранилось 155 листов размером 278×191 мм, с текстом, написанным в два столбца¹. Рукопись написана на уставной кириллице XIII в. и относится к сербской редакции старославянского языка. Выдающийся сербский лингвист Митар Пешикан после детального палеографического и орфографического анализа пришел к выводу, что это памятник середины XIII в., возможно, относящийся к первому периоду царствования короля Уроша I (1243–1276), внука Стефана Немани². Уже Милан Радека связывал характеристики письма в данной рукописи с копией Законоправила св. Саввы 1262 г. – Иловицкой кормчей, а исключительную близость двух данных памятников подтвердил и М. Пешикан, указав, что книга все-таки написана другим переписчиком (не Богданом). Мокропольское четвероевангелие несколько

Работа выполнена в рамках проекта Министерства просвещения, науки и технологического развития Республики Сербия «Изучение древнего сербского письменного наследия и создание Словаря церковнославянского языка сербской редакции» (№ 178030).

старше Иловицкой кормчей и по манере переписчика сближается с другими важными сербскими памятниками первой половины XIII в.³

Многочисленные повреждения и восстановления свидетельствуют об активном использовании данной книги в течение длительного времени, прежде всего в богослужении. Старейшим вставным листом является один интересный пергаменный лист (№ 30 согласно современной нумерации). По палеографическим и орфографическим особенностям он принадлежит к «западному» или так наз. «боснийскому» собранию сербскославянских рукописей. На основании общего впечатления можно сказать, что почерк на вставном листе в некоторой степени напоминает почерк первой руки, которой было написано Чайничское евангелие. Лист написан с целью замены крайне поврежденного листа в этом месте рукописи, причем так, чтобы он идеально вписался в заданные текстуальные рамки, с середины Мф 21: 35 до середины Мф 22: 16. Буквы квадратного типа, имеют архаический облик, пунктуационные знаки отсутствуют, а из надстрочных знаков используется только титло.

На верхних горизонтальных полях имеются заголовки обширных глав, а на вертикальных полях, как внешних, так и внутренних, – заголовки Аммониевых глав. Иногда используются инициалы в строке, что свидетельствует о ранней традиции обозначения цельных фрагментов в литургических текстах. Самым заметным является немотивированное на первый взгляд использование двух заглавных букв в одной строке: Мф 21: 43 *҃его ради [҃лаго]҃хъ вѣль 30б.5–6*. Это означает, что в непосредственном протографе или более раннем источнике между ними находилось (киноварное) руководство для богослужения, как и в ряде сербских православных памятников, например, в рукописи Архива САНУ № 54: *ко(нъ)ц(ь) нед[ѣль] · ҃его ради че(тврѣть)к(ь) · ꙗ҃ · нед[ѣль] Р(е)уе г(оспод)ь къ приш[ь]дѣшнмъ || к немоу ноудѣом[ь] [҃лаго]лю вѣль 30б–31а*. Здесь руководство выполнено тем же способом, что и в Хиландарском евангелии № 52, с той разницей, что там инициалы остаются на стыке страниц, а руководство смещено вперед: *ко[нъ]ц[ь] нед[лѣ] Вь че(тврѣть)к(ь) · ꙗ҃ · нед[ѣль] ѿт[ь] ма-ф(ета) Р(е)уе г(оспод)ь къ приш[ь]дѣшнм[ь] к немоу ноудѣомъ · ҃его ради || [҃лаго]лю вѣль 28г–29а*. (Далее в примерах из разных источников мы будем использовать сокращенные обозначения; полные обозначения приведены в конце работы; анализируемый вставной лист обозначен как Мп₂).

В графическом инвентаре нет [поздних] знаков для йотации, правописание хумско-боснийского типа⁴, опирается на более раннее глаголическое. Для памятника характерно использование буквы

«ять» в начале слога (напр. достоѣннѣ 30а.14, свѣѣ 30а.24, ѡдѣнѣ 30г.9). Графема ю используется только в начале слога и не имеет функции обозначения палатальности. Время от времени наблюдается архаическое использование «и десятиричного» после букв, обозначающих гласные, или между ними (ѡвоиѣ 30в.17–18, достоини 30в.20). Пассивное отношение к источнику заметно и в тех случаях, когда слово обрывается в конце строки, что характерно для некоторых сербских памятников XII–XIII вв., а также для других ранних памятников данной группы, которые отражают ту же картину. Нередкими в тексте являются ошибки и неточности, возникшие вследствие недопонимания протографа из-за невысокой культуры переписчика. Несмотря на то, что для памятников данной группы характерно использование «он» во всех позициях, кроме неединообразного написания *от-* (пишется и с «омегой», как ѿ), здесь мы сталкиваемся с более ранним распространенным использованием «омеги» в начале слова, как в развитой рашской школе.

Буква «ять» преимущественно употребляется этимологически верно, как в словах народного происхождения, так и в заимствованиях, однако в нескольких случаях наблюдается иная картина. В первую очередь, в приставке или в начале слова смешивается прѣ-/прн-: используется и вместо ѣ – приѣлѣсть 30а.21, а также «ять» употребляется на месте этимологического *и* – прѣдѣтѣ 30а.12 (*прид[и]те*), прѣтѣхъ 30б.14 (*притчу*); у глаголов с основой инфинитива на -ѣти (оузьрѣти) тематическое *ять* заменяется гласным *и* – ѡзрѣше 30а.11 (подобно первоначальному оузьрѣша); в глаголе имѣти по сути то же явление, сопряженное с широко известным фактом, что *ять* перед *j* в иекавских говорах дает *и* – не имѣе 30г.9 (ср. не имѣе Акад Нк Хв – не имѣ Рх и др.); межслоговая ассимиляция – зли-и зли 30а.20 (первоначально зъли зълѣ). В одном случае наблюдается экавский рефлекс, имеющий, вероятно, более позднее книжное происхождение, однако в слове, в котором он мог распространиться и в народном говоре⁵: ѡт[ь]вѣщавъ 30б.19 (то же в Бд, Нк и Хв). Последовательно произведена замена ф на п (парисѣи 30б.14, парисѣи 30г.20)⁶. Также в тексте имеется такая особенность, как одиночная замена л на р (в значении *ль*): дѣлѣтеремъ 30а.19, что носит систематический характер у первого переписчика Чайничского евангелия, в Евангелии от Матфея, а это означает, что речь идет не о случайном явлении⁷. Наблюдается удвоение гласных для обозначения долготы в предл. п. мн. ч. ж. р. -ѣх (въ кни|гаахъ 30а.27) – явление, относящееся к частотным и в основной части Мокропольского четвероевангелия.

В грамматической системе наблюдается небольшое число особенностей, большинство из которых легко объяснить текстологически. Например, окончание *-uje* в им. п. мн. ч. м. р. в одном слове могло возникнуть по аналогии с протографом: *паристѣне* 30б. 14 и *паристѣне* 30г.21⁸. Для раннего окончания сложного адъективного склонения (в данном случае причастия) в дат. п. ед. ч. м. р. *-уму* этот факт не вызывает сомнения (*творѣщѣмъ* 30б.8–9), так как то же наблюдается в большом числе сербских рукописей независимо от времени и места их создания, хотя в поздней сербской редакции распространяется общее окончание *-ому/-ему* в соответствии с развитием народного языка. В род.-предл. п. дв. ч. в мягком местоименном склонении наблюдается новое окончание *-ију*, однако и оно могло быть употреблено по уже имеющемуся образцу, так как данная флексия уже длительное время использовалась в сербской редакции: *въ ѡиу нашію* 30б.5 (первоначально *въ ѡиу нашею*).

Известно, что из форм глагола прошедшего времени в евангелиях чаще всего используется аорист в качестве типичной нарративной формы⁹, поэтому, как и в старославянских текстах, аорист и здесь употребляется на месте греческого аориста. Асимметрический аорист отсутствует там, где он мог бы находиться по традиции: Мф 22: 10 *ѡврѣтж* Мар и др. (греч. *εἴρον*), также Мир Хв (трансформируется в настоящее время в Нк: *ѡврѣтжѣ*) – сигматический новый аорист *ѡврѣтоше* Рх Бд (как и в Остр ранее: *ѡврѣтоша*). В этом рассматриваемый нами вставной лист является наиболее инновационным: *ѡврѣше* 30в.26. В Мф 22: 5, как и в Рх, он отделяется от других евангелий, следующих за Мар в использовании асимметрического аориста: *ѡтъндоше* 30в.8 – *отидж* Мар (греч. *ἀπῆλθον*), сербскослав. *отидоу* Мир Бд Нк Хв. Однако уже в старославянских евангелиях в Мф 21: 38 употребляется старый сигматический аорист: *рѣша* Мар и др. (греч. *εἶλον*), и такая картина практически в неизменном виде сохраняется в сербских евангелиях (также Мп₂: *рѣше* 30а.11); в качестве исключения в Остр и Гильф² имеются более поздние формы аориста: *рекоша*, *рекоше*.

Старый сигматический аорист в основном употребляется там же, где и ранее: Мф 21: 38 *хзрише* Мп₂ 30а.10, а также в текстах той традиции, которая восходит к Мариинскому евангелию: *ѡузрѣша* Мар Ас Остр (*ѡузрѣше* Рх), что в данном случае представляет собой раннюю инновацию, так как в греческом здесь действительное причастие прошедшего времени (греч. *ἰδόντες*): *ѡузрѣвше* Мир Нк Хв, или *видѣвше* Бд (как и в Сав). Имеется немало примеров данного аориста в большинстве текстов: Мф 21: 45 *раззѣвше* 30б.15 Мп₂ и др., а также

Мар: *razogmъsha* (греч. *ἔγνωσαν*); Мф 21: 46 *xъkoъше се* 30б.16–17 Мп₂ и др., а также Мар: *oъkoъsha ca* (греч. *ἐφοβήθησαν*); Мф 22: 6 *zъише* 30в.12 Мп₂ Рх Бд, хотя первоначально там стояла другая лексема: *изъиша* Мар (греч. *ἀλέκτειναν*), *изъише* Мир Нк, *выше* Хв; Мф 22: 10 *исплънише* 30в.27–30г.1 Мп₂ Рх, подобно *исплъниша* Мар (грч. *ἐπλήσθη*), с заменой на ед. ч. в одной группе сербских текстов: *исплъни се* Бд Нк Хв, а затем и в одной древней лексической трансформации: *наплънише* Мир (подобно *наплъниша* Остр) и т. д. Судьбу большинства сербских рукописей данная повторяет и в Мф 22:8 в отношении характерного употребления различных основ глагола-связки (*бы-/вѣ-*), где сигматический аорист соответствует греческому имперфекту: *не вѣше* 30в.19–20 Мп₂ Рх Бд Нк Хв – *не вѣша* Мар и др. (греч. *οὐκ ἦσαν*), как и *не вѣше* Мир.

Картина в Мф 21: 42 крайне нетипична для общей текстовой традиции¹⁰: *съ вѣсть въ главахъ оуглахъ отъ [ъ] г(о)спода вѣ си* 30б.2–3 (греч. *οὗτος ἐγενήθη εἰς κεφαλὴν γωνίας παρὰ Κυρίου ἐγένετο αὐτῆ*). В изученных славянских рукописях нет данного различия в образовании аориста: *съ вѣсть* въ главахъ жгълахъ отъ в(о)г)а *вѣсть* си Мар и др., а также в сербских *выс(тъ)* Мир Рх Бд Нк Хв и др. Хотя выделенная форма в Мп₂ могла возникнуть в результате упрощенного написания, когда опускалось выносное с источника (**вѣ̆*), ни в коем случае не следует исключать возможность того, что здесь сохраняется след какого-то более раннего подхода (возможно, даже исходного перевода), когда писцы стремились сохранить различие между греческими формами этого глагола (*γίνομαι*) в оригинале, заметное здесь, поскольку они стоят в том же стихе.

Употребление двух сигматических аористов является неожиданным, однако поскольку одна и та же модель появляется в двух отдельных местах, то случайная ошибка маловероятна. Речь идет об отличительной черте либо речи переписчика, либо непосредственно протографа: Мф 21: 39 *извѣше* 30а.15 (греч. *ἐξέβαλον*) – *извѣсе* Мир Рх Бд (*извѣса* Мар Ас), *извѣдоше* Бд Нк Хв (*извѣдоша* Сав); приведенный выше пример Мф 22: 10 *оvръше* 30в.26 (греч. *εὔρον*) – *оvрътоше* Рх Бд (*оvрътоша* Остр), *оvрътю* Мир Хв (*оvрътж* Мар), *оvръщж* Нк. Наблюдаемые компромиссные формы аориста из Мп₂ строятся так, что к упрощенной основе инфинитива непосредственно присоединяются окончания аориста (*изве-ше, обръ-ше*), но без предварительного удлинения (что показывает форма *извѣше*, иначе было бы *извѣше), подобно глаголам с инфинитивной основой на гласный.

Употребление стяженного/нестяженного окончания имперфекта, возможно, унаследовано из протографа: Мф 21: 46 нцѣѣхъ 30б.18–19 Мп₂ (возможно, вследствие разрыва между строчками) и в некоторых других памятниках (только с другими орфографическими решениями) нцѣаху Мир А 3 Нк Хв (нцѣахъ Мар, греч. εἶχον), нцѣахю Ват А 54 А 277 – нцѣахю Црк Гр Хл 52 и др., нцѣахю Рх Бд; Мф 22: 3 не хлѣѣхъ 30б.26–27 Мп₂, Рх Црк Гр – не хотѣахю Мир Бд А 3 Нк Хв (не хотѣахъ М, грч. οὐκ ἤθελον), не хотѣахю Бд А 54 А 277.

Даже для форм 2 л. мн. ч. повелительного наклонения с обобщенным окончанием *-ите* вполне можно предположить, что они употреблялись уже в протографе, несмотря на то, что в тех же позициях в тексте в других рукописях преобладает регулярное *-йте*: Мф 22: 4 рцитѣ 30в.2 Мп₂, Хв и Мф 22: 9 призовитѣ 30в.23 Мп₂, Зогр₂, Бд Хл 52 Хв (однако придѣтѣ 30в.6, идѣтѣ 30.в.20, въздѣтѣ и възѣтѣ 30г.13–14).

В изученном сегменте древний супин заменяется инфинитивом, хотя эти формы управляют дополнением в род. п., что можно считать особенностью текстов, развитой на сербской почве: Мф 22: 11 въшьд же ц(а)рь | и видѣти въздѣжещнихъ 30г.2–4 Мп₂, Рх Бд Нк и т.д. (видѣтъ Мар, греч. εἰσελθὼν δὲ ὁ βασιλεὺς θεάσασθαι τοὺς ἀνακειμένους). В другом случае одиночное появление нового супина (супина без управления), с аналогией в Рх, опять же может происходить из протографа: Мф 22: 7 и посла коє | коє погубитѣ ѡбницѣ ти 30в.15 Мп₂, Рх, что связано с погубити в Мир; в остальных случаях аорист: погуби Мар и др. (греч. καὶ λέμψας τὰ στρατεύματα αὐτοῦ ἀπώλεσεν τοὺς φονεῖς ἐκεῖνους), а также Бд Нк Хв.

При переходных глаголах прямое дополнение в форме вин. п. ед. ч. (именное и местоименное склонения) имеет окончание им. п., что соответствует ранней традиции, которая в разной степени представлена в сербских рукописях: Мф 21: 37 посла ... с(ы)нь свон 30а.7 (греч. ἀπέστειλεν ... τὸν υἱὸν αὐτοῦ), Мф 21: 38 хзрише с(ы)нь 30а.10 (греч. ἰδόντες τὸν υἱὸν), Мф 21: 39 и ѡбнише и 30а.16 (греч. καὶ ἀπέκτειναν *[αὐτὸν]), Мф 21: 44 аьтреть и 30б.12 (греч. λικμήσει αὐτόν), Мф 22: 15 да и оьвьстеть 30г.22 (греч. ὅπως αὐτὸν παριδεῦσωσιν).

В текстологическом отношении представляется важным сопоставить данный источник с древними славянскими евангелиями – в первую очередь, Мариинским евангелием (которое близко первому тетру), и, с другой стороны, с древнейшими сербскими евангелиями. Мирославо евангелие является ключевым текстом для всей сербской письменности, а из круга рашских памятников релевантны Рашско-хиландарское и Богданово четвероевангелия, тогда как из

«западного собрания» важны Никольское четвероевангелие и евангелие из Хвалового сборника.

Характерно, что вставной лист Мокропольского евангелия близок к Рашско-хиландарскому евангелию (то же установлено и по отношению к основному тексту Мокропольского евангелия)¹¹. В ряде случаев они следуют древнему Мариинскому евангелию, в отличие от большинства других упоминаемых здесь памятников: Мф 21: 38 егда Мар, Рх Мп₂: от Мир Бд Нк Хв; Мф 21: 38 оузьрѣша Мар, оузьрѣше Рх, ззрише Мп₂: оузьрѣше Мир Нк Хв – видѣше Бд. Подобная картина наблюдается не только в данных двух памятниках, но и в других евангелиях, которые опираются на них, прежде всего в Мирославовом или Богдановом, но нередки и такие примеры, когда данные памятники сами по себе удаляются от Мариинского евангелия. Исследуемый нами вставной лист обнаруживает родство и с Богдановым евангелием из литургической группы св. Саввы Сербского: Мф 21: 43 ц(ѣ)с(а)р(ѣ)ствнѣ Мар, ц(ѣ)с(а)ръствнѣ Рх, ц[а]ръствнѣ Мп₂ Бд, ц(а)р(ѣ)стнѣ Мир: ц(а)ръство Нк Хв, а нередко в этот круг входит и более древнее Рашско-хиландарское евангелие: Мф 22: 6 избиша Мар, избише Мир Нк: збише Рх Бд Мп₂ – быше Хв; Мф 22: 10 ѡже Мар, аже (еже Нк Хв) Мир Нк Хв: елико Рх Бд Мп₂. Можно увидеть различие между вставным листом и другими православными евангелиями, с одной стороны, и типичными евангелиями «богомильского собрания», с другой стороны: Мф 21: 37 къ ннцѣ Мар, к ннцѣ Мир Рх Бд Мп₂: нцѣ Нк Хв; Мф 21: 42 дивѣна Мар, дивна (дивѣна Рх, дивна Бд) Мир Рх Бд Мп₂: диванѣ (дыбанѣ Хв) Нк Хв. Нередко эти два памятника сближаются с Мирославовым или Богдановым евангелиями: Мф 21: 45 притѣуж Мар, притѣю Мир, притѣю Рх, прѣтѣж Мп₂: притѣе (притѣе Нк) Бд Нк Хв; Мф 22: 12 браѣна Мар, браѣна Рх Мп₂ Бд: браѣнаго (браѣнаго Нк) Мир Нк Хв. Итак, разделение памятников на две группы на основании религиозных критериев не представляется устойчивым.

Вместе с тем, на материале исследуемого вставного листа можно наблюдать за формированием «западного собрания» и его удалением от Мариинского евангелия: Мф 22: 13 в(ѣ)зъмѣте и ѿ вѣврѣзѣте Мар, възмѣте и ѿ вѣврѣзѣте и Мир Рх Бд: възмѣте и врьзѣте Мп₂ Хв – и врьзѣте и Нк (от възмѣте). «Западное собрание» достаточно разнородно, в нем наблюдаются и отдельные расхождения: Мф 22: 4 юнѣци Мар, Рх Бд Нк: юнѣцѣ Мир, юнацѣ Мп₂ Мир Хв. Данные сдвиги являются частью более широких процессов, что видно на примере Богданова евангелия и, разумеется, Мирославова: Мф 22: 22 ц(ѣ)с(а)р(ѣ)ствнѣ Мар, ц(а)р(ѣ)ствнѣ Рх Бд: ц(а)р(ѣ)ство Мир Мп₂ Нк Хв; Мф 22: 2 н(ѣ)в(ѣ)ское Мар,

н(ε)β(ε)σ(ς)οε Rх: н(ε)β(ε)σ(ς)ноε Мп₂ Мир Бд Хв, н(ε)β(ε)σ(ς)но Нк. Никольское евангелие и Хвалов сборник демонстрируют дальнейшее развитие в сопоставлении с Мариинским евангелием, однако практически все данные случаи могут легко объясняться более глубокой традицией, особенно апракосной (напр. Мир, Вукан, Акад, Карп), хотя ряд ученых склонны отрицать наличие апракосных евангелий в данном собрании.

Мокропольское четвероевангелие было рано перевезено в Боснию. Нечто подобное ранее произошло с Ватиканским евангелием, которое было принесено ко двору боснийского бана Матея Нинослава (1232–1250)¹². Биляна Йованович-Стипчевич на основании палеографического анализа пришла к выводу, что эти евангельские тексты переписал переписчик Карейского типа 1220–1230-х гг. (АС 132/134), при жизни св. Саввы Сербского¹³, а Анатолий Аркадьевич Турилов установил, что данного переписчика звали Будило¹⁴. В историографии было отмечено, что бан Матей Нинослав, который был католиком, ориентировался на династию Неманичей как на идеологический образец и взял себе их княжеское имя «Стефан»¹⁵. По нашему мнению, эти факты можно связать; кроме того, в этом свете следует рассматривать и появление в Боснии Мокропольского евангелия, родственного по палеографическим и орфографическим характеристикам древнейшей копии Законоправила св. Саввы Сербского (1262). Эта связь дополнительно подкрепляется отнесением данного четвероевангелия к копиям нового литургического тетра в критическом издании отдельных евангельских книг в славянской традиции¹⁶. Новый тетр возник в связи с реформой св. Саввы Сербского – введением иерусалимской практики в Хиландарском монастыре¹⁷. Мы недостаточно знаем ситуацию в Боснии XIII в., чтобы определить границы контактов боснийского двора и ведущих сербских скрипториев.

Поскольку сохранилось крайне мало памятников «западного собрания» (немногим более 20), каждое дополнение списка, даже фрагментом, имеет большое значение. Большинство зарегистрированных учеными памятников в жанровом отношении представляют собой евангелия (15 полных, 3 отрывка). Практически все данные евангелия сохранились благодаря тому, что они активно использовались в Сербской православной церкви после завоевания средневековой Боснии турками. В церкви крайне не хватало книг, а данные книги отвечали практически всем требованиям¹⁸. Живым свидетельством этой роли книг являются позднейшие ли-

тургические пометы на их полях, а также на свободных местах внутри текста.

В науке велось много дискуссий о причинах переписывания (только?) нелитургических четвероевангелий в рамках данной письменности. Нередко давались различные объяснения, связывавшие отмеченное явление с якобы еретическим характером Церкви боснийской. Мы не будем рассматривать данный вопрос, а только упомянем следующий давно установленный факт: неполные пометы о литургических чтениях в новозаветных рукописях (слова *даче* и *реже коньць*)¹⁹ своим распределением свидетельствуют, хотя только отдельными следами, о восточном обряде (хотя бы образцов), что не является необычным для кирилло-мефодиевского наследия²⁰. Авторы критического издания славянского Евангелия от Иоанна отмечают в Зографском и Галицком евангелиях редактирование тетра согласно новому греческому оригиналу. Во время этого редактирования были устранены литургические обозначения, и после такой тетра мог использоваться в чтении в келье в славянских монастырях. В рамках данной традиции, согласно указанным авторам, следует рассматривать возникновение Никольского евангелия и евангелия из Хвалового сборника²¹. Разделение на Аммониевы главы, широко распространенное в памятниках данного собрания (имеющееся и в изучаемом отрывке), не является особой чертой «западного собрания». Об их обычном использовании в Новом литургическом театре, с соответствующими руководствами в месяцеслове, говорит и А. А. Алексеев²². Специфическое использование заглавных букв, как мы показали, проведя аналогию с Хиландарским евангелием № 52, указывает на недавнее наличие литургических помет.

До настоящего времени было известно всего несколько памятников, которые были привезены в средневековую Боснию, при этом их влияние на местную письменность не доказано. Анализ Чайничского евангелия показал, что оно, кроме всего прочего, имело протографы, привнесенные из рашской среды²³. Однако сейчас мы первый раз своими глазами видим книгу, которая привезена извне, причем мы доказали, что она несомненно использовалась в Боснии: об этом свидетельствует тот факт, что поврежденная страница рукописи заменена новой, имеющей местные особенности. Мокропольское евангелие, таким образом, и само могло послужить образцом для каких-либо более поздних рукописей в данной среде.

На основании выявленных языковых характеристик можно предположить, что вставной лист возник на широкой территории

«восточно-боснийского» (сегодня «центрально-боснийского») диалекта. Об этом свидетельствует достаточно стабильное использование буквы *ять* (данный диалект преимущественно иекавский), а дифтонгизация *ятя* в направлении иекавского рефлекса на целое столетие опаздывала в начальной стадии по сравнению с икавской трансформацией *ятя*. Имеется только три примера, свидетельствующих о смещении *ръ/-при-*. Остальные два случая мы объясняем аналогией и звуковыми закономерностями. Все это характерно для некоторых неикавских говоров²⁴.

Важное значение имеет и последовательно проведенная замена *ф* на *п*. Особенностью является одиночная замена *л* на *р*; такая же замена, только в большей степени, проведена в части Чайничского евангелия, что приписывается первому писцу. На основании установленного палеографического сходства, а также несколько расширенного использования «омеги» мы предполагаем, что данный вставной лист мог быть переписан неподалеку от места возникновения Чайничского евангелия до конца XIV в.

Анализ некоторых реликтовых черт показал, что они не ограничены особенностями памятников «западного собрания», а присутствуют всюду, не столько в зависимости от реальной степени развития литературного языка, сколько в зависимости от степени архаичности данного текста. Следовательно, об указанных явлениях можно говорить только узко локализованно и в зависимости от текстологического окружения²⁵. В остальных случаях оригинальные собственноручные записи переписчика отражают иную картину языкового развития²⁶.

А. А. Алексеев заключил, что так наз. «богомильские» рукописи не представляют собой один текст, свидетельствующий об общей традиции, а также что здесь речь идет скорее об использовании старых источников, чем о непрерывности традиции древних текстов. Он замечает, что здесь в первую очередь имела место позднейшая переработка, «контаминированный текст», и ставит под сомнение «богомильскую гипотезу»²⁷. Наш анализ это подтверждает. Подобно наблюдениям и Алексеева, и некоторых других исследователей до него, наш анализ также не установил гомогенности обработанного собрания рукописей, что указывало бы на выделение данного собрания как специфического явления во время возникновения богомильской ереси (X в.) и тем самым позволяло бы объяснить сохранение наиболее архаичного текста того времени²⁸. Изученный фрагмент отражает иную версию текста, которая по сути ближе к Рашско-хиландарскому евангелию, а в отдельных случаях обнаруживает ряд

характеристик, которые со временем аккумулируются в Никольском евангелии и в Хваловом сборнике. Эти два «западных» памятника обнаруживают и значительные различия между собой в исследуемом отрывке. Основные особенности, которые встречаются в двух данных рукописях, можно объяснить путем сопоставления с другими сербскими и иными более древними рукописями²⁹.

СОКРАЩЕНИЯ ЕВАНГЕЛЬСКИХ РУКОПИСЕЙ

А 3 – Четвероевангелие, сербскослав. фрагмент, 1360–1370 гг. Архив САНУ № 3.

А 54 – Четвероевангелие, сербскослав. рукопись, XIII–XIV вв., Архив САНУ № 54.

А 277 – Четвероевангелие, сербскослав. рукопись, перв. четв. XIV в., Архив САНУ № 277.

Акад – Апостольское евангелие, сербскослав. рукопись, 1366–1371 гг., Архив САНУ № 2.

Ас – Ассеманиево евангелие, древнеслав. рукопись, нач. XI в.; изд.: *Kurz J. Evangeliarium Assemani. Pragae, 1955.*

Бд – Богданово евангелие, сербскослав. рукопись, XIII–XIV вв., Архив ХАЗУ, IIIc 20, Михановић № 24.

Ват – Ватиканское евангелие, сербскослав. рукопись, перв. четв. XIII в., Ватикан. Cod. Slav. 4.

Вукан – Вуканово евангелие, сербскослав. рукопись, ок. 1200 г.; изд.: *Врана Ј. Вуканово еванђеље. Београд, 1967.*

Гильф – Гильфердингово евангелие, сербскослав. рукопись, ок. 1284 г., РНБ, Гильфердинг № 1.

Гр – Груйичево евангелие, сербскослав. рукопись, посл. треть XIII в., Музей СПЦ, Грујић 3–I–25.

Зогр₂ – болгарскославянский вставной лист в древнеславянском Зографском евангелии (л. 41–57), XII в.; изд.: *Jagić V. Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus. Graz, 1954.*

Карп – Карпинское евангелие, болгарскославянская рукопись, XIII в., ГИМ, Хлудов № 28.

Мар – Мариинское евангелие, древнеслав. рукопись, X–XI вв.; изд.: *Јагич И. В. Мариинское четвероевангелие. Graz, 1960.*

Мир – Мирославово евангелие, сербскослав. рукопись, посл. десятилетия XII в.; изд.: *Родић Н., Јовановић Г. Мирослављево јеванђеље (критичко издање). Београд, 1986.*

Мп – Мокропольское четвероевангелие, сербскослав. рукопись, сер. XIII в., Крка № 2.

Мп₂ – сербскослав. пергаменный вставной лист в Мп (л. 30), конец XIV в.; см. Мп.

Нк – Никольское евангелие, сербскослав. рукопись, посл. четв. XIV в.; изд.: *Даничић Ђ.* Никольско јеванђеље. Биоград, 1864.

Остр – Остромирово евангелие, древнерус. рукопись, 1056–1057 гг.; изд.: *Ганка В.* Свѣтоѣ евангелиѣ по Остромировоу съпискоу. Празъ, 1853.

Рх – Рашско-хиландарское евангелие, сербскослав. рукопись, втор. четв. XIII в., Хиландар № 22.

Сав – Саввина книга, древнеслав. рукопись, XI в.; изд.: *Князевская О. А. и др.* Саввина книга. Древнеславянская рукопись XI, XI–XII и конца XIII века. М., 1999.

Хв – Четвероевангелие из Хвалового сборника, сербскослав. рукопись, 1404 г.; изд.: *Gošić N. i dr.* Zbornik Hvala krstjanina (transkripcija i komentar). Sarajevo, 1986.

Хл 52 – Четвероевангелие с праксапостолом, сербскослав. рукопись, посл. четв. XIII в., Хиландар № 52.

Црк – Црколезское евангелие, сербскослав. рукопись, сер. XIII в., Дечани – Црколез № 1.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: *Радека М.* Мокропольско јеванђеље // *Старинар.* Београд, 1958. № VII–VIII (н. с.). С. 209–210.
- 2 *Пешикан М.* Мокропольско четворојеванђеље из XIII века – споменик значајне фазе у развоју старосрпске писмености // *Зборник Матице српске за филологију и лингвистику.* Нови Сад, 1973. № XVI/1. С. 84.
- 3 *Пешикан М.* Мокропольско четворојеванђеље... С. 84.
- 4 Три десятилетия назад, тем не менее, на основании анализа обширного материала было установлено, что данная орфография была зафиксирована прежде всего в Хуме и в Боснии, поэтому название, связанное с ними, является более оправданным (*Ивић П., Јерковић В.* Правопис српскохрватских ћирилских повеља и писама XII и XIII века. Нови Сад, 1981. С. 193). С другой стороны, Й. Врана более 10 лет назад показал, что орфография в Зете была такая же, как и в Рашке (*Вуканово еванђеље.* Београд, 1967. С. 24). До реформ правописания, начавшихся в государстве

- Стефана Немани и его наследников на рубеже XII–XIII в., в Рашке (с Зетой), Хуме и Боснии использовалась общая орфография (ср.: *Грковић-Мејмор Ј.* Средњовековно језичко наслеђе Босне и Херцеговине // *Језик и писмо у Републици Српској.* Бања Лука, 2012. С. 27–28).
- 5 Ср.: *Јерковић В.* Палеографска и језичка испитивања о Чајничком јеванђељу. Нови Сад, 1975. С. 122, 135; *Rešetar M.* Der štokavische dialekt. Wien, 1907. С. 72.
  - 6 Замена в обоих направлениях имеется уже в Мирославовом евангелии, напр., *пѣсѣнъ 36а.7, 1066.20, 244а.4 (Кульбакин Ст. М.* Палеографска и језичка испитивања о Мирослављевом јеванђељу. Сремски Карловци, 1925. С. 103). О ситуации в «восточнобоснийском диалекте» см.: *Brozović D.* O problemu ijekavskošćakavskog (istočnobosanskog) dijalekta // *Hrvatski dijalektološki zbornik.* Zagreb, 1966. № 2. С. 139–140.
  - 7 *Јерковић В.* Палеографска и језичка испитивања... С. 124.
  - 8 Он давно имеется в сербской редакции, напр., *ц(ѣ)с(а)р(ь)сти манастирѣ (н) нгоумѣннѣ* в Хиландарском типиконе (нач. XIII в.), 12а.24 (13 глава). Появляется внизу на предыдущей странице основного текста Мп: *дѣлатѣнѣ 29г.27.*
  - 9 *Грковић-Мејмор Ј.* Питања из старословенске синтаксе и лексике // *Лингвистичке свеске.* Нови Сад, 2001. № 1. С. 10.
  - 10 Ср. *Алексеев А. А., Пичхадзе А. А., Бабицкая М. Б. и др.* Евангелие от Иоанна в славянской традиции. СПб., 1998. С. 115 (sub 42).
  - 11 *Пешикан М., Јовановић Г.* Текстолошки састав и основне одлике текста најстаријих српских четворојеванђеља // *Јужнословенски филолог.* Београд, 1974–1975. № XXXI. С. 26–27.
  - 12 Нови податак о ватиканском српском јеванђелистару XIII века // *Зборник Владимира Мошина.* Београд, 1977. С. 141–142.
  - 13 *Јовановић-Ступчевић Б.* Писар Карејског типака // *Свети Сава у српској историји и традицији.* Београд, 1998. С. 127, 129–131.
  - 14 *Турилов А. А.* Ватиканское сербское [Будилово] евангелие // *Православная Энциклопедия.* М., 2004. Т. VII. С. 306.
  - 15 *Благојевић М.* Српска државност у средњем веку. Београд, 2011. С. 139–140.
  - 16 *Алексеев А. А., Пичхадзе А. А., Бабицкая М. Б. и др.* Евангелие от Иоанна... С. 14; *Алексеев А. А.* Сербская традиция славянского евангелия // *Словенско средњовековно наслеђе.* Београд, 2001. С. 37.
  - 17 Данная литургическая группа заимствует структуру и разделение на Аммониевы главы из древнего тетра-текста, а также некоторые

- лексические черты из полного апракоса Мстиславова типа (*Алексеев А. А.* Сербская традиция... С. 36–37).
- 18 Сам факт, что эти книги использовались в православном богослужении, ясно указывает на то, что они по сути не отличались от других сербскославянских «исправных книг» (*Грицкат И.* Дивошево јеванђеље. Филолошка анализа // *Јужнословенски филолог.* Београд, 1961–1962. № XXV. С. 291).
- 19 В этом проявляется связь с апракосами, о чем на материале Мостарского евангелия в свое время говорил и М. Н. Сперанский (*Сперанский М. Н.* Мостарское (Манойлово) боснійское евангелие. Варшава, 1906. С. 28–30).
- 20 С другой стороны, давно замечено, что в евангелиях данного собрания нет элементов, которые бы указывали на ересь (*Грицкат И.* Дивошево јеванђеље. С. 276–279).
- 21 *Алексеев А. А., Пичхадзе А. А., Бабицкая М. Б. и др.* Евангелие от Иоанна... С. 37. Это можно связать с фактом, замеченным полстолетия: «крстьяне» из средневековой Боснии были так наз. «василианцами». Монахи из ордена св. Василия жили в «двойных» монастырях, жизнь которых была строго регламентирована решениями Никейского собора 787 г. (*Miletić M.* I “Krstjani” di Bosnia alla luce dei loro monumenti di pietra // *Orientalia christiana analecta.* Roma, 1957, № 149. С. 55–56; *Ђурковић С.* Историја средњовековне босанске државе. Београд, 1964. С. 51, 353–354 (нап. 3)).
- 22 Напр.: *Алексеев А. А.* Сербская традиция... С. 36.
- 23 *Пешикан А.* Још један (четврти) препис друге верзије старосрпских тетра и однос ове верзије према Чајничком јеванђељу // *Јужнословенски филолог.* Београд, 1989. № XLV. С. 206–207.
- 24 *Ивић П.* О неким проблемима наше историске дијалектологије // *Јужнословенски филолог.* Београд, 1955–1956. № XXI/1–4. С. 107–109; *Брозовић Д.* О problemu... С. 133; *Ђурковић В.* Палеографска и језичка испитивања... С. 123.—Это значительно более широкий ареал с длительно сохранявшимся незаменным *јтем*, простиравшийся и с другой стороны реки Дрины. В домиграционных зонах говоров северо-западной Сербии и далее имелись оазисы с незаменным *јтем*. Подлинное удаление данных говоров произошло в XIV в., когда на левом берегу Дрины произошла дифтонгизация *јтя* в результате длительно протекавшего процесса.
- 25 Ср.: *Ђурковић-Мејџор Ј.* Средњовековно језичко наслеђе... С. 25.
- 26 *Кунa Н.* Srednjovjekovna bosanska književnost // *Forum Bosnae.* Sarajevo, 2008. № 45. С. 75.

- 27 Алексеев А. А. Сербская традиция... С. 41, 43.
28 Там же. С. 39–40.
29 А. А. Алексеев указывает на особые параллели между текстами Хвалового сборника и богослужебным Апостоло-евангелием XV в. (НБС 496), а также между Никольским евангелием и Вукановым евангелием, полным апракосом (Алексеев А. А. Сербская традиция... С. 40).

Savić V.
Western Serbian Insert in the Four Gospel Book
of Mokro Polje

The paper deals with a parchment insert found in the Four Gospel Book of Mokro Polje, which is a very important mid-thirteenth-century written monument of the Serbian redaction. The Four Gospel Book of Mokro Polje is a representative of the New Liturgical Tetraevangelion, defined in the reform of St Sava of Serbia. This makes the fact that the book later appeared in medieval Bosnia all the more interesting. It was in Bosnia that a missing or a severely damaged folio was replaced with a new one during the restoration of the book; the copied text bears the features of the «western» («Bosnian») manuscript group. The analysis shows that the insert was written somewhere in the territory of the ‘east Bosnian dialect’, near the place of origin of the Gospel of Čajniče, in the late fourteenth century.

Keywords: Four Gospel Book of Mokro Polje, Serbian Church Slavonic manuscript tradition, “western” («Bosnian») group of Serbian Church Slavonic manuscripts, New Liturgical Tetraevangelion.